

РОССИЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Б.Н. МИРОНОВ

Развитие государственности в России
в XVII–начале XX века

Уже много лет живет крылатая фраза: "В России правят не законы, а люди". Эта красиво сформулированная мифологема о перманентной надзаконности российского государственного строя возникла в русской либеральной дореволюционной историографии и имела благородную политическую задачу – способствовать разрушению самодержавия и установлению в России демократии. Свою политическую функцию данная мифологема выполнила превосходно – в нее до сих пор верят как в России, так и за ее пределами. Однако истина, как это бывает, когда политика вмешивается в науку, пострадала. В статье я сделаю попытку проверить научную состоятельность этой мифологемы.

Понятие *государственность* будет использоваться в значении государственного строя политической организации общества; понятие *государство* – как система органов и учреждений, образующих в совокупности механизм государственного управления, через который реализуется публичная, или государственная, власть. *Государственную власть* буду рассматривать в качестве объекта пользования и распоряжения, а тех частных или юридических лиц, которые властвуют, управляют, принимают решения или влияют на принятие решений – в качестве *субъектов государственного управления*. *Общество* будет означать все население, принадлежащее к данному государству, а *народ* – непривилегированные разряды населения: крестьяне, мещане, ремесленники, рабочие.

Термин *монархия* будет использоваться для определения специфической формы государства, в котором государь так или иначе участвовал в государственном управлении, термин *самодержавие* – как синоним государя, которому принадлежит вся полнота законодательной и исполнительной власти, вместе с государственным аппаратом и армией. Термины *бюрократия* и *чиновничество* будут означать совокупность лиц, занятых в сфере *гражданского* государственного, или коронного, управления, имевших определенный пост, ранг и получавших за свою работу жалованье.

При анализе истории русской государственности я буду исходить из двух аксиом политологии. Во-первых, в государстве действительной властью является то лицо или учреждение, кого или которое народ в массе своей (или хотя бы наиболее социально значимая его часть) считает представителем и носителем государственной власти. Во-вторых, любое государство, если оно существует в течение достаточно длительного времени, осуществляет *легитимную власть* в том смысле, что общество признает за ним право господствовать и управлять, а за собой – обязанность повиноваться, так как

считает, что государство осуществляет морально обоснованное, необходимое, законное и лучшее из возможных господство и управление.

Можно навязать власть силой, но легитимность власти навязать нельзя. Это не означает, что существующая власть всегда принимается осознанно и единодушно. Ее легитимность может оспариваться. Но в конечном счете, если носители власти не могут добиться своей легитимизации, оправдать морально и идеологически свое существование перед обществом, они терпят фиаско [Доган, 1994, с. 147–156; Кравченко, 1989, с. 49–51]. Важно различать, что оспаривает общество – легитимность конкретной личности, учреждения, института или всей политической системы. Например, значительная часть русского народа оспаривала легитимность Петра I как царя на том основании, что истинный царь был якобы подменен в колыбели; Екатерины II как императрицы – по той причине, что она незаконно устранила с престола Петра III. Но легитимность монархии при этом не оспаривалась.

В России, подобно другим европейским государствам, на всех этапах ее развития осуществлялось легитимное господство. Народ безмолствовал лишь тогда, когда был удовлетворен (разумеется, более или менее) существующей властью и признавал ее легитимность. Активный участник трех российских революций П. Миллюков, осмысливая в эмиграции свой политический опыт, признал: "Революционный процесс вышел более стихийным и менее сознательным, чем хотелось бы непосредственным деятелям революционной эпохи. Должно быть сильно исправлено и ходячее представление о пассивной роли инертной массы. Масса русского населения, казалось, действительно только *терпела*. Но терпение масс не было вполне пассивным. Массы принимали от революции то, что соответствовало их желаниям, но тотчас же противопоставляли железную стену пассивного сопротивления, как только начинали подзревать, что события клонятся не в сторону их интересов. В этом поведении масс, инертных, невежественных, забитых, сказалась коллективная народная мудрость" [Миллюков, 2001, с. 12–13].

Верхние страты общества в случае недовольства верховной властью также поднимали голос. Например, в XVIII в., когда дворянство не устраивал правящий государь или несколько претендентов заявляли свои права на престол, оно устраивало дворцовые перевороты, чтобы возвести на престол именно того, кого желало.

Напомню, что легитимность власти может по-разному обосновываться и санкционироваться. *Традиционное* господство опирается на веру в священность, неизменность издревле существующих порядков и в Богоустановленность власти, если отсутствует формальное право в организации управления и требование действовать "незвизрая на лица"; *харизматическое* господство – на харизму правителя, на веру народа в его мудрость, святость, героизм, гениальность и на личную приверженность ему в силу веры в его исключительные качества; *легальное* господство – на формально-правовое основание; *смешанное* господство – на ту или иную комбинацию перечисленных оснований.

Легальное господство предполагает существование *правового* государства, в котором для проявления власти установлены правовые формы и правовые пределы: 1) правотворчество осуществляется только или, во всяком случае, преимущественно *через* закон, который сосредоточивается в руках государственной власти; 2) устанавливается *верховенство* закона над остальными формами положительного права – религиозным правом, юридическим обычаем, договором; 3) закон является *нормой* организации и функционирования власти на всех уровнях. Существуют два типа правового государства. При первом управление совершается строго по закону, но силами бюрократии, а личные и политические права населения сильно урезаются. Таким образом (если, разумеется, законы соблюдаются), действия государственных органов находятся в рамках закона, они обеспечивают не реализацию личных и политических прав, а лишь известную *защиту* личных и общественных интересов правящей элиты. В некоторых случаях, можно сказать, гарантируется лишь ограниченное законом бесправие, или *подзаконное бесправие* народа. При втором типе правового государства управление осуществляется по закону, но при активном участии граждан, которые

имеют политические права и могут их реализовать в законной форме через народное представительство и местное самоуправление. Первый тип правового государства назовем *правомерным*, второй – *правовым*. И тот и другой тип допускает государство монархическое, аристократическое и демократическое. Исторически правомерное государство перерастает в правовое [Тарановский, 1923, с. 396–397].

Народная монархия XVII века. Основания легитимности власти

Начну анализ с XVII в., чтобы можно было ясно представлять, что завещало Московское царство Петербургской империи и от какого наследства она отказалась. Со времени возникновения при Иване Грозном в 1547 г. института царства и до начала XVIII в. в основе официальной концепции власти лежали четыре идеи: Богоустановленность власти; отцовский, или патерналистский, характер власти; мысль о том, что царь – непосредственный наместник Бога на Земле (в отличие от западноевропейских королей, которые считались лишь Божьими помазанниками); представление о том, что православное царство – гармоничный мир, управляемый Богом и царем. Русское царство именовалось "Новым Израилем", а русский народ – новым богоизбранным народом по аналогии с библейским Израилем и древнееврейским народом. Конечным итогом русской истории должно стать введение царем своего народа в Царство Божие [Живов, Успенский, 1994, с. 47–71; Филюшкин, 1997, с. 144–148].

Легитимность всякой власти обосновывалась Божественным происхождением царской власти от отцовской. Первым образцом власти на Земле назывался отец как глава семейства. По мере умножения семейств возникали племена, по мере умножения племен – государства, которые со временем стали слишком велики для отеческого управления. Тогда Бог дал первоначальной отцовской власти облик царя, наделив его высшей и самодержавной силой [Краснов, 2008]. Легитимность царской власти в Русском государстве обосновывалась родством Рюриковичей с императорами Древнего Рима и Византии (предполагалось, что Рюриковичи вели свое происхождение от Пруса – брата римского императора Августа и были в родстве с византийским императором Константином) и тем, что права Рюриковичей на власть были санкционированы византийскими императорами и Восточной православной церковью (думали, что император Константин передал своему внуку, киевскому князю XI в. Владимиру Мономаху, царский венец, так называемую шапку Мономаха, и прочие царские регалии, а греческий митрополит Неофит венчал его на царство). Именно два последних обоснования приводились иностранным дипломатам в качестве доказательств прав русских государей на царский титул.

После смерти Ивана Грозного в 1584 г. монархия из наследственной *фактически* превратилась в избирательную и в такой форме существовала до XVIII в. Все семь царей либо выбирались, либо утверждались на престоле земскими соборами, включая Петра I, избранного на царство 27 апреля 1682 г. Избрание каждый раз санкционировалось специальным актом за подписью избирателей, что считалось необходимым условием легитимности нового царя [Черепнин, 1978, с. 60–61]. Обязанность населения ему повиноваться подтверждалась присягой, которую приносили все мужчины независимо от социального положения. Присяга и участие народа в коронации считались необходимыми, но рассматривались не как акт делегирования обществом власти царю, а как готовность повиноваться и народное одобрение нового монарха. Легитимность власти давала государю известную свободу рук или свободу воли. Но это не считалось опасным, поскольку власть государя была легитимна, и все, что он делал, диктовалось Богом и шло на пользу всем.

Политические представления людей XVII в., принадлежавших к разным социальным слоям, имели принципиальное сходство; существовало также согласие о легитимности власти, механизме принятия политических решений, а также по важнейшим проблемам, стоявшим перед обществом, и путях их разрешения. Можно сказать, что в

допетровское время существовала *консенсусная политическая культура*, даже несмотря на появление старообрядцев после раскола церкви.

В основе политических воззрений лежали три идеи: а) законность и священность издревле существующих порядков и властей вследствие их древности и Божественного происхождения; б) всеобщая обязанность служить государю; в) воля государя есть воля Божия. Светская служба должна быть всеобщей, включая и царя, и по сути своей имела религиозный характер, а следовательно, вела к спасению.

Государь свои отношения с подданными строил "по-отечески": наказывал согрешивших, поощрял верных и прилежных, прислушивался к мудрым советникам. Отсюда происходило общее наименование подданных – "сирота", то есть беспомощный, бесприютный, одинокий, бедняк, а находившихся на службе – "холоп", то есть слуга, покорный, безответный [Черная, 1989, с. 28–42]. Вследствие этого власть государя носила не только Божественный, но и *патерналистский* характер. Признавая Богоустановленность царской власти, люди усматривали изволение Божье также и в избрании царя на Земском соборе, и в государственном строительстве, осуществляемом земскими соборами.

Роль Боярской думы, Земского собора и Освященного собора

В XVII в. в государственном управлении вместе с государем соучаствовали Боярская дума, Земский собор, Освященный собор во главе с патриархом и общество, не исключая народа. Какую роль выполнял каждый из субъектов управления?

Боярская дума выступала как *небюрократический орган, ограничивавший власть* царя. В XV–XVII вв. государь без Думы и Дума без государя, с точки зрения людей того времени, были одинаково ненормальными явлениями. Бояре не только делили с царем государственные заботы, но и участвовали во всех обыденных актах его жизни – посещали вместе церковь, обедали и т.д. [Ключевский, 1919, с. 239].

Власть государя ограничивалась и другим институтом – местничеством. Этот институт гарантировал боярам, а также в значительной мере двум другим "чинам" – служилым людям по отчеству (дворянам) и гостям (богатым купцам) – право занимать место в служебной иерархии соответственно их происхождению, знатности и чину их предков, что вместе входило в понятие "честь" [Павлов-Сильванский, 1923, с. 164–175].

В наиболее важных моментах жизни государства деятельность Боярской думы дополнялась *земскими соборами*, которые имели столь же важное значение, как и Дума, только *временно*, на момент работы соборов. Земский собор включал в свой состав царя и Боярскую думу, Освященный собор (собрание высших церковных иерархов), а также "выборных". Последние представляли служебные разряды населения, так как сословия в то время еще не существовали, и местности. Присутствие государственных крестьян зафиксировано только на двух из 57 земских соборов. Но выборные от посадских (городских налогоплательщиков) представляли отчасти и интересы крестьян. На соборах редко были представлены все разряды населения и все местности. Но согласно представлениям людей того времени, собор был законным тогда, когда в достаточной мере представлял *мысль и волю земли*. Выборные либо избирались самим населением, либо, когда население проявляло равнодушие и абсентеизм, назначались воеводами из числа наиболее состоятельных и влиятельных лиц. В первом случае составлялись письменный акт избрания и инструкция – "наказ" избирателей.

Права земских соборов определялись обычаем и традициями. Соборы созывались по инициативе царя или самими "чинами" в междоцарствие. Регулярности в их созыве не было, всего за вторую половину XVI–XVII в. зафиксировано 57 соборов, в том числе 46 – в XVII в. Их компетенция была широка: избрание или утверждение государей на царство, санкционирование проведения крупных судебных, административных, финансовых и военных реформ, вопросы внешней политики и налоги. Петиции земских соборов имели для государя значение непрерываемого гласа народа и непременно вели к изданию соответствующих узаконений. Несмотря на существенные отличия от

сословно-представительных учреждений западноевропейских стран, Земский собор был представительным органом, ограничивавшим власть государя [Павлов-Сильванский, 1923, с. 164–175].

На земских соборах выборные исполняли роль информаторов, консультантов, советников государя, выражали общественное мнение населения, исполняли *наблюдательно-контрольную* функцию. Русские люди того времени считали: чтобы решение верховной власти было законным и имело силу для всей страны, оно должно быть *публичным*. Присутствие народа служило гарантом того, что все – избрание на престол, коронация, составление судебника, объявление войны и т.д. – делалось в соответствии с традицией и при соблюдении положенного ритуала.

Для XVI–XVII вв. вообще характерно активное участие общества в жизни государева двора. Крестины детей, свадьба, избрание на царство, коронация, именины, похороны происходили в окружении все тех же Освященного собора, Боярской думы, выборных от всех чинов из каждого города, а также и "черни". Их присутствие являлось требованием ритуала, рассматривалось в качестве необходимого условия законности и действительности происходившего события. Если среди влиятельных лиц в окружении царя существовали серьезные противоречия, то соперничающие партии стремились заручиться поддержкой простого люда столицы и использовали ее в качестве весомого аргумента в политической борьбе. Важная роль земских соборов и выборных в государственном управлении позволяет констатировать, что, по крайней мере, служилые люди и городское население являлись субъектами государственного управления в XVI–XVII вв. Сам факт, что народное одобрение было обязательным условием легитимности важнейших государственных событий показывает: общество (и народ) считалось *субъектом государственного управления*. Об этом же говорит и принесение присяги на верность воцарившемуся царю каждым мужчиной государства.

Субъектами государственного управления были также Московский патриарх и Освященный собор – непеременные участники всех важных событий в жизни царской семьи, государева двора и страны. Исключительно важную роль выполнял патриарх, о чем говорит сама официальная форма обращения к нему царя, который называл его *отцом*, что, по понятиям того времени, означало высший авторитет и признание известной зависимости и подчиненности. Патриарх – не слуга или подданный царя, судить его могли только другие патриархи. Словом, патриаршество было государством в государстве. Это придавало патриарху как главе церкви громадный общественный и государственный вес. Если патриархом становилась крупная личность, он приобретал значение и вес в государстве, почти не уступающие значению и весу царя, как это случилось с патриархами Филаретом в 1619–1658 гг. и Никоном в 1651–1658 гг. Они даже именовались *Великими государями*, то есть имели тот же титул, что и сам царь. Хотя царь участвовал в выборе патриарха, решающее слово оставалось за церковными иерархами [Лазаревский, 1910, с. 78–79].

Значение обычая, традиции и закона в государственном управлении

В жизни русского общества XVI–XVII вв. обычное и писаное право играли большую роль. Но значение *обычая* было больше, чем закона. Идея правотворчества еще не признавалась, нерушимость старины оставалась руководящей идеей для всех. Воля государей, какой бы обширной и сильной она ни была, находилась под защитой обычая. Сами государи свой авторитет ставили *ниже старины*, признавая, что по своему усмотрению они не могут творить право. Вместе с тем при последовательном проведении точки зрения, что обычай, старина, традиция не могут быть никем отменены, не возникло бы само Московское государство, не произошло бы никаких социальных изменений. Выход из противоречия был найден: государи не издавали общих уставов для определения государственного быта на новых началах, а переделывали старый быт постепенно, долгим путем внедрения отдельных мер, правительственной практикой. На этой основе постепенно складывались новые обычаи, с течением времени за-

крепляемые в законодательстве. При этом *новые явления жизни* подводились под *старые формулы*, а в оправдание нововведений в государственном быту ссылались не на действительную, а на вымышленную, фиктивную старину. Людям казалось, что все остается по-прежнему; между тем жизнь и регулировавшее ее право изменялись.

Поскольку воля московских государей была ограничена традицией и учреждениями, им не удалось осуществить *идеал самодержавия*, хотя их реальная власть казалась иностранным наблюдателям выше власти всех монархов Европы. Но могущество их власти сказывалось в отношении к *лицам*, а не к существующему *порядку*. Порядок, учреждения стояли под защитой старины, старых обычаев и считались неприкосновенными *ни для чьей воли*.

Таким образом, в России XVII в. существовала специфическая форма государственности. *Субъектами* государственного управления выступали государь, Боярская дума, патриарх с Освященным собором и Земский собор и, что важно, общество, которое чаще всего представляли духовенство, служилые люди и посадские, а провинцию – Москва. Отношения между субъектами власти не имели договорной юридической основы, а строились на обычае, традиции, в зависимости от обстоятельств и носили фактический характер, вытекавший из реального соотношения общественных сил. Для легитимности важнейших государственных решений требовалось их одобрение Боярской думой, Освященным собором, земскими соборами, народом, хотя и не всегда всеми вместе. Государство имело *теократический* характер, потому что, во-первых, государь считался представителем Бога и его власть происходила из воли Божьей и имела Божественный характер; во-вторых, церковь как институт была одним из субъектов публичной власти; в-третьих, русское государство считало своей важнейшей задачей содействовать Церкви в руководстве подданных к вечному спасению [Дьяконов, 1912, с. 392].

Тип русской государственности, существовавший в XVI–XVII вв., можно назвать народной, или патриархальной, монархией. Государь осуществлял *традиционно-харизматическое* господство: традиционное – потому что основывалось на вере в законность и священность издревле существующих порядков, харизматическое – потому что покоилось на вере в мудрость, святость и могущество самого государя.

Дворянская патерналистская монархия XVIII века. Новое обоснование легитимности власти

Обоснование легитимности власти государя в XVIII в. существенно изменилось [Буранок, 1995, с. 17–23]. В соответствии с теорией договорного происхождения власти, популярной в то время в Западной Европе, власть возникла *по договору* и для пользы подданных, народ передал власть в руки монарха добровольно, навсегда и безусловно. Вторым основанием, понятным массам, признавалось церковное учение о *Богоустановленности* власти. Чтобы примирить договорную теорию и учение о Богоустановленности власти, провозглашается принцип: "Глас народа – глас Божий". Всякая власть от Бога, потому что народная воля управляется Божьей волей. Третье обоснование состояло в том, что власть имеет целью *общее благо* всех подданных – их телесное и духовное благосостояние, лучшее земное устройство и общий мир.

Новое обоснование власти *снимало* с государя ограничение традицией и обычаем. Традиция переставала быть священной, а древность государственных институтов – критерием их совершенства, что позволило верховной власти вносить в государственный строй и общественный быт большие изменения, руководствуясь вполне рациональным соображением – стремлением к общему благу. Изменение характера русской государственности при Петре I отразилось в самом названии России: Святая Русь стала называться Российской империей, священное государство стало светским.

Из обоснования легитимности выводились три правила поведения: 1) выполнять все повеления власти без ропота и сопротивления; 2) никогда не судить своего государя; 3) не указывать монарху, что делать. Легко видеть, насколько правила изменились

сравнительно с XVI–XVII вв. Теперь главной обязанностью царя стало руководить всей жизнью подданных ради их же блага, а главной обязанностью подданных – безропотно подчиняться (тоже ради их же пользы). Ибо только лишь царь, даже против желания общества, может обеспечить общее благо. Другими словами, царь остался *субъектом*, но общество превратилось в *объект* руководства и управления. Изменились также цели власти и правила поведения государя. Ему теперь вменялось в обязанность заботиться о всенародной пользе и благе Отечества, понимаемыми не как радование о спасении душ своих подданных, а как забота об их материальном благополучии, экономическом и политическом процветании государства. Сам Петр I активно претворял этот взгляд в жизнь. Знаковый факт: в 1711 г. была введена новая форма присяги не только государю, как было прежде, но и *государству*.

При Петре I власть монарха приобрела *самодержавный характер de facto* и формально-юридически. Вступление на престол сопровождалось изданием манифеста и одинаковой для всех подданных присягой. В начале XVIII в. изменился также формуляр царских указов: старинная формула "государь указал и бояре приговорили" исчезла. Вместо ссылок на ходатайства подданных, совещания с Боярской думой и решения земских соборов, встречаем только указание на монаршую волю, подкрепляемое ссылкой на государственный интерес.

Петр I – первый царь, нарушивший традицию оправдания своих действий ссылками на старину и открыто действовавший в соответствии с рациональными соображениями, – при первой возможности навсегда избавился от патриарха, Боярской думы, Освященного собора и перестал созывать земские соборы (последний был созван в 1683 г.). То, что даже Петр I боялся иметь рядом с собой эти учреждения, свидетельствует в пользу того, что они действительно ограничивали царя. Церковь оказалась под контролем государства, а ее догматическое и нравственное учение было приспособлено к светским потребностям государства. Знаковыми для нового положения Церкви стали два события. В 1730 г. Анна Иоанновна во время коронации в соборе вошла в алтарь, что в православии делать женщинам воспрещается, и *причастилась по священническому чину* (с 1676 г. так причащались государи мужского пола). Начиная с Елизаветы Петровны возложение на себя короны и порфиры стало производиться не высшим церковным иерархом, как прежде, а самим государем.

С 1721 г. царь принял титул императора. Смысл этого состоял в том, чтобы указать на стремление России следовать западноевропейским традициям, в то время как царский титул говорил о преемственности русских государей и византийских императоров. С 1724 г. короновался не только государь, но и государыня, а обряд коронования, начиная с Екатерины I, стал происходить по европейскому образцу. Сложная система придворных ритуалов, церемоний, празднеств, приемов и символов утверждала образ монарха как героя, просвещенного лидера, одобренного Богом и обществом. Все эти новые моменты служили двоякой цели – поставить российских монархов вровень с западноевропейскими и максимально высоко над подданными.

Элита усвоила договорную теорию. В дворянском обществе возникла и постепенно усваивалась идея о необходимости формального ограничения самодержавия фундаментальными, основными законами, обязательными не только для подданных, но и для монарха. В 1780-е гг. Екатерина II перешла от слов и рекомендаций к делу, разработав проект Свода государственных установлений, которые, по ее мысли, должны были лечь в основание "законной монархии" России. Императрица не окончила свой проект и не опубликовала завершенные части, но все свое царствование пыталась реализовать идеи, в нем заложенные.

Патерналистская парадигма верховной власти официально поддерживалась в течение всего периода империи и часто фигурировала в правительственных указах XVIII–XIX вв. Титул "Отца отечества", который принял Петр I в 1721 г., адекватно отражал взгляды государя, его окружения и подданных на характер его власти. Все монархи воспитывались в соответствующем духе, им с детства внушалось, что русские цари – защитники и носители национального духа страны, а для народа – оплот *отеческой*

доброты и бесконечной справедливости. Патерналистские идеи господствовали в среде крестьянства до конца империи, а в русской армии – до 1860-х гг.: офицеры смотрели на солдат как на детей, а солдаты на офицеров – как на отцов-командиров.

Поскольку народным идеалом политического устройства в XVIII–первой половине XIX в. была самодержавная монархия, то существовавший государственный строй признавался легитимным. В народном политическом сознании XVIII в. государь впервые стал отделяться от государства как аппарата принуждения, как совокупности чиновников, стоящих между народом и государем. Но это только усиливало патерналистскую парадигму.

Роль дворянства в государственном управлении

Петр I, опираясь на дворянство, добился устранения из государственного управления своих конкурентов: Боярской думы, Освященного собора с патриархом и Земского собора. Удовлетворив свои экономические интересы (получив в собственность поместья и крепостных), дворянство потеряло интерес к земским соборам как общенациональному представительному собранию, а к Боярской думе и Освященному собору оно не питало симпатий, давно мечтая о захвате церковных земель и крестьян. Свои социальные и политические интересы дворянство стремилось удовлетворить через получение новых сословных привилегий от верховной власти в обмен на лояльность. Дворянство было преобразовано на принципах лояльности и службы, как и аристократия, и заняло господствующее положение в обществе [Ерошкин, 1981, с. 27].

Союз верховной власти и дворянства способствовал превращению народной монархии в дворянскую, что и было реализовано преемниками Петра I. Ставка императоров на дворянство оказалась прагматичным решением, особенно для тех, кто вступали на престол в результате дворцовых переворотов, организованных дворянской гвардией. В их глазах дворянство являлось не только надежной опорой самодержавия, но и представителем всего населения перед верховной властью, поскольку именно это сословие всегда оставалось тесно связанным с остальными группами населения, особенно с крестьянством, с жизнью провинции, с местным и общественным управлением. Однако императоры ни в XVIII в., ни в XIX в. не стали простым рупором дворянских интересов, тем более что по многим вопросам среди дворянства не было консенсуса. Самодержавие могло лавировать и проявлять достаточную самостоятельность в своей политике, чаще всего определявшейся государственными потребностями и интересами части дворянства, стоявшей на этатистских позициях. Имея широкую социальную базу, включавшую, кроме дворянства, крестьянство, городское сословие и духовенство, самодержавие осталось самостоятельной политической силой и в полной мере сохраняло статус лидера нации.

Роль закона в государственном управлении

Единственным источником права начиная с Петра I и до 1917 г. признавался *закон*. Обычай, игравший выдающуюся роль в Московской Руси, потерял свое значение в области государственного управления и в значительной мере в сфере общественных отношений в границах города, но сохранил свою силу среди крестьянства. Цель законодательства периода империи существенно изменилась. В Московском царстве законодательство отличалось традиционным, *охранительным* характером в том смысле, что стремилось, главным образом, кодифицировать существующие законы или обычаи, защитить уже существующее положение вещей, а не проложить дорогу новому в общественных отношениях. В императорский период законодательство имело преимущественно *реформаторский* характер, поэтому находилось в противоречии с прежним правом. Самодержавие стремилось установить в народе новые правовые понятия с помощью новых законов, полагая, что закон выражает не обычаи народа, а только волю законодателя. Существенное изменение, которое принес XVIII в. в об-

ласть законодательства, состояло в том, что самодержавный государь стал единственным субъектом законодательной власти вплоть до образования Государственной думы в 1906 г.

Наконец, третье существенное изменение касалось применения законов. Они не имели обратной силы, распространялись на всех лиц, должны были исполняться всеми точно и буквально; подчиненный должен был не выполнять под страхом наказания противозаконные предписания начальника, а доносить о них в вышестоящие инстанции. Последнее правило имело большое значение для развития русского общества по пути правовой монархии, так как оно заставляло чиновника действовать строго по закону невзирая на лица.

В XVIII в. закон постоянно стал определять работу самого механизма государственного управления. В 1718–1720 гг. взамен Приказа – центрального учреждения, действовавшего на основе личных поручений от государя, возник правильный тип государственного учреждения – Коллегия как постоянный орган, функционирующий на твердых юридических основаниях и под контролем прокуратуры, созданной в 1711 г.

В ходе реформы местного управления 1775–1785 гг. суд отделился от администрации и полиции и стал *de jure* полностью, а практически более или менее от них не зависимым; утвердился инстанционный порядок для решения судебных дел с завершением его в Сенате. Дворянство, горожане и крестьянство получили свои суды низшей инстанции. Тогда же деятельность прокуратуры распространилась на местное коронное управление. В ее задачи входили надзор за законностью действий учреждений уездного и губернского уровней, разъяснение чиновникам новых законов. Финансовое управление отделилось от общей администрации и стало подчиняться особым учреждениям как на местах, так и в центре. В результате произошло частичное отделение друг от друга разных ветвей власти.

Резюмируя мои наблюдения о роли права в государственном управлении, можно констатировать, что в XVIII в. были заложены начала законности в русском государственном порядке, самодержавие все в большей степени соединялось с законностью, и весь государственный строй эволюционировал в сторону *правомерной* монархии, а власть из традиционно-харизматической превращалась в *легальную*. Это проявлялось в трех отношениях: а) в повышении значения закона в жизни русского общества; б) в осуществлении повседневной работы по управлению страной силами профессиональных чиновников, которые под влиянием четких инструкций и контроля обнаружили тенденцию управлять невзирая на лица и следуя законам; в) в формировании сословного строя, в результате чего различные группы населения приобрели черты настоящих сословий, чьи личные права стали защищаться законом.

Итак, самодержавие сложилось только в первой четверти XVIII в. при Петре I. Утверждая в России сословия, правомерный порядок в управлении, ставя деятельность коронных учреждений в рамки закона и инструкции, выдвигая на первый план идею служения отечеству, а не царю, Петр способствовал развитию просвещенной правомерной монархии и утверждению легального господства. К концу XVIII в. сложилась *сословная патерналистская монархия*, в которой не ограниченная юридически верховная власть осуществляла господство, во-первых, признавая закон единственным источником права; во-вторых, через организованные законом и действующие на основе закона учреждения; в-третьих, *de jure* признавая, что подданные обладают защищенными законом сословными правами; в-четвертых, привлекая дворянство к управлению. В новой системе закон, сословные права, дворянство и закономерная бюрократия сдерживали и предохраняли верховную власть от произвола.

Становление правомерной монархии в первой половине XIX века

В государственном строительстве первой половины XIX в. набирали силу тенденции в развитии русской государственности, наметившиеся в XVIII в. В 1810 г. был создан законосовещательный Государственный совет, как было сказано в манифесте –

для удовлетворения осознанной потребности "учреждать постепенно образ правления на твердых и непремяемых основаниях закона". Его члены, число которых к 1890 г. увеличилось с 35 до 60 человек, назначались императором из влиятельных чиновников, нередко вышедших в отставку, а министры входили в его состав по должности. С момента образования Совета воля императора могла быть реализована при одном важном условии – если воля превращалась в *писанный закон, который предварительно обсужден в Государственном совете и опубликован Сенатом* (в XVIII в. было достаточно, если воля императора была правильно объявлена). Благодаря образованию Государственного совета механизм утверждения законов постепенно превратился в четкую и обязательную процедуру, которая предусматривала этап предварительного обсуждения проекта закона не только в министерствах, но также в специальных комитетах, куда приглашались эксперты от общества, либо в сословных организациях дворянства или купечества; практиковался также сбор мнений от частных лиц и сословных организаций по готовящейся реформе.

В 1801–1803 гг. Сенат получил статус института *административной юстиции*, прокуратуры и суда со следующими функциями: административно-судебные дела; надзор за правительственным аппаратом через губернских и уездных прокуроров, самостоятельно – с помощью самих сенаторов и посредством жалоб; высшая инстанция суда; охрана и удостоверение особых прав разных классов. Постепенно высший суд и надзор за деятельностью коронных учреждений стали главными функциями Сената.

Важный новый момент в политической жизни состоял в ослаблении зависимости государя от дворянства. Эмансипация началась при Александре I после победы над Наполеоном и продолжилась при Николае I. Этому способствовала попытка гвардии произвести в 1825 г. государственный переворот: ввести конституцию и парламент, даровать политические права узкому кругу граждан, соответствовавших высоким избирательным цензам, что привело бы к превращению дворянства в правящий класс *de jure*. Попытка провалилась, но, глубоко уязвив императора, способствовала тому, что он, утратив к дворянству полное доверие, в своей политике опирался преимущественно на бюрократию. В результате дворянство из правящего превратилось в *преобладающее* сословие: дворянские интересы не имели приоритета перед государственными; с мнением дворянства самодержавие считалось, но государственное управление находилось в руках бюрократии, зависимой от верховной власти.

При Николае I после 133 лет безуспешных попыток были подготовлены 45-томное "Полное собрание законов Российской империи" и 15-томный систематический "Свод законов Российской империи", включавший действующее законодательство. Так был создан долгожданный кодекс законов, поставивший все государственное управление на *твердое правовое* основание. С 1835 г. и вплоть до 1917 г. "Полное собрание законов" регулярно пополнялось новыми, а "Свод законов" обновлялся. Николай I был самым большим блюстителем закона в империи, о чем, конечно, была осведомлена бюрократия. Сразу по окончании работы над составлением "Свода законов" он строгой запретил входить к нему с просьбами об изъятии из законов. Впервые было дано полное юридическое определение государственного устройства Российской империи в двух статьях Основных законов. 1-я статья определяет характер власти императора как "верховой, самодержавной и неограниченной". Но 47-я статья указывает, что осуществление самодержавной власти императора подчиняется принципу *законности*: "Империя Российская управляется на твердых основаниях положительных законов, учреждений и уставов, от самодержавной власти исходящих" [Свод... 1832, ст. 1, 47]. Тем самым закон провозглашал *правомерный характер русской государственности* в отличие от форм деспотических, где вместо закона действует ничем не сдерживаемый личный произвол правителя. Так интерпретировали статью русские юристы, так понимало ее образованное общество. 1-я и 47-я статьи без изменений входили в последующие издания Основных законов вплоть до начала XX в. Симптоматично, что в 1831 г. к числу российских орденов был причислен польский орден Белого Орла, который имел девиз "За веру, царя и закон".

Таким образом, в первой половине XIX в. сложилась *правомерная бюрократическая монархия*, хотя русский чиновник еще не вполне соответствовал идеальному типу чиновника, который подчиняется только законам и действует невзирая на лица.

В 1832–1834 гг. министр народного просвещения С. Уваров сформулировал теорию *официальной народности*. Суть доктрины сводилась к триединой формуле "самодержавие-православие-народность": самодержавие как высшая форма государственной власти, православие как единственно истинная вера, народность как "неприкосновенное святилище наших народных понятий". Царь осуществляет свою власть в интересах народа, согласно нравственным и юридическим законам. Как выразился Уваров, "Россия крепка единодушием беспримерным. Здесь царь любит отечество в лице народа и правит им, как отец, *руководствуясь законами* (курсив мой. – Б.М.), а народ не умеет отделять отечество от царя и видит в нем свое счастье, силу и славу" (цит. по [Зорин, 1996, с. 105–128]). Правомерный характер монархии – вот тот новый элемент, отличавший новую доктрину от прежней, в которой воля монарха была выше закона.

Самодержавие стало осуществлять *традиционно-легально-харизматическое* господство. Господство было *традиционным*, потому что а) основывалось на вере в Богоустановленность власти; б) реализовывалось в значительной степени через органы сословного самоуправления (купеческие и мещанские общества, цехи, сельские общины, дворянские корпорации) и через коронные учреждения с участием представителей сословий (полиция и суды), подотчетные коронной власти; в) в крестьянской среде управление в значительной степени опиралось на обычай. Господство было *легальным*, потому что а) основывалось на законодательстве: правотворчество осуществляется только через закон, сосредоточенный в руках государства; опиралось на верховенство закона над религиозным правом, юридическим обычаем, договором, закон был нормой организации и функционирования власти на всех уровнях; б) реализовывалось через бюрократию, подчиненную закону. Наконец, господство было *харизматическим*, потому что власть над крестьянством, как и в XVII в., покоилась в значительной степени на харизме государя – на вере крестьян в его мудрость, святость и могущество. В России сложилась оригинальная ситуация, когда самодержавие, социальная элита и официальная наука полагали, что власть осуществляет, говоря современным языком, традиционно-легальное господство, а народ (крестьянство и городские низы) – традиционно-харизматическое. Это было симптомом трансформации *консенсусной* политической культуры в *конфликтную*.

Соотношение важнейших политических функций государства сравнительно с XVII в. изменилось: на первом месте осталось извлечение средств; на второе вышло регулирование поведения подданных, распределение благ осталось на третьем, а "символическая политика" опустилась на четвертое место. Как и в XVII в. главной целью политического процесса оставалось поддержание социального порядка, стабильности и общественной безопасности.

Всесословная правомерная монархия в пореформенный период

При Александре II, в 1860–1870-е гг., в политическом строе появились новые элементы правового государства. Были созданы всесословные органы местного самоуправления, обладавшие публичной властью, – земства (1864 г.) и городские думы (1870 г.), которым государство передало значительную часть своих полномочий.

Вследствие отмены крепостного права и дворянских привилегий все население приобрело основные личные (не политические) права. Новый либеральный цензурный устав (1865 г.) при его соблюдении позволял обществу через прессу и гласность осуществлять контроль за администрацией. Университеты получили академическую автономию (1863 г.).

Благодаря введению новых судебных уставов в 1864 г. усилилась роль закона в управлении, произошло окончательное отделение суда от администрации. В добавление к Сенату в губерниях и уездах были созданы органы местной административной

юстиции, в состав которых входили представители администрации, суда, прокуратуры, органов местного самоуправления и предводители дворянства. Губернское по земским и городским делам присутствие являлось среди них важнейшим, остальные специализировались на отдельных отраслях управления, например присутствия по воинским делам, податные, фабричные [Коркунов, 1908, с. 388–393].

Изменениям в государственном строе предшествовали перемены в политических представлениях образованного общества. Значительная его часть приняла либеральную доктрину, сложившуюся в это время на Западе. Согласно ей, общество имеет право и должно участвовать в государственных делах, потому что государь и правительство не справляются и в принципе не могут самостоятельно справиться с функциями управления, а также потому что общество таким способом может защитить себя от злоупотреблений власти. Общественность все настойчивее начинает высказывать желание участвовать в политическом процессе, что и послужило одним из факторов проведения земской и городской реформ. Однако дальнейших уступок со стороны верховной власти нужно было добиваться. При политическом безмолвствовании монархического по убеждениям народа верховная власть, естественно, очень медленно уступала требованиям оппозиционного меньшинства.

Дуалистическая правовая монархия 1906–1917 гг.

Порядки, введенные при Александре II, просуществовали до 1905 г., когда Николай II под давлением революции и поражения в войне с Японией был вынужден согласиться на установление в России конституционной монархии. Манифест от 17 октября 1905 г. возвестил введение конституционного строя. Именно конституцией называли сановники Манифест 17 октября 1905 г., а политический строй, который сложился после принятия Основных законов, – конституционным [Мосолов, 1992, с. 57, 61]. 23 апреля 1906 г. были изданы Основные законы, а через четыре дня собралась первая Государственная дума и обновленный Государственный совет, половина членов которого стала выборной, а половина назначалась царем. Так народ России получил конституцию, политические свободы и парламент.

Новые Основные законы Российской империи по юридической силе и по содержанию своему были аналогичны тому, что на Западе называется *конституцией*, так как они: 1) дали *конституционное понятие* закона: текст закона устанавливался Государственной думой вместе с Государственным советом и утверждался императором, благодаря чему закон и акт в порядке верховного управления стали различаться с точки зрения их формы и юридической силы; акты верховного управления считались актами подзаконными; 2) были четко *разделены основные и обыкновенные законы*, первые были наделены наибольшей силой обязательного действия и поставлены выше всех остальных или обыкновенных, в том смысле, что обыкновенные законы (так же как и чрезвычайные указы в порядке верховного управления, временно наделяемые силой законов) не могли нарушать основных законов и были действительны при условии непротиворечия их основным законам; 3) установили пределы власти императора; 4) определили устройство Государственной думы и Государственного совета, в компетенцию которых входила законодательная деятельность, их место в системе государственных учреждений; 5) назначили порядок издания Основных законов и установили правило, согласно которому законы входят в силу только после обнародования (этот момент имел большое значение: до 1906 г. допускалось действие необнародованных законов, "тайне подлежащих", – так называемого секретного законодательства, теперь подобная практика запрещалась); 6) гарантировали политические права граждан, которые обеспечивали участие народа во власти и ставили пределы вмешательству государственной власти в личную и общественную жизнь. Именно эти черты Основных законов 1906 г., являясь типичными и существенными для всех вообще конституций, делали русские Основные законы фактически конституцией, хотя они

так не назывались [Лазаревский, 1910, с. 110–113; Роговин, 1913; Тарановский, 1923, с. 401–403].

С точки зрения отношений, существовавших между правительством и парламентом, европейские монархии начала XX в. делились на два типа (допускающие несколько переходных ступеней): конституционные, или дуалистические, и парламентарные. В дуалистической системе исполнительная власть сохранялась за монархом и назначаемым им правительством, которое могло оставаться у власти, не пользуясь поддержкой большинства парламента, а законодательная власть принадлежала монарху и избираемому народом парламенту. Пример подобного государственного устройства – Пруссия. В парламентарных монархиях состав правительства зависел от доверия, оказываемого ему народным представительством. Эта форма государственности получила название парламентаризма и существовала как в монархиях, так и в республиках. Ввиду этого термин "парламент" имел два значения: 1) представительное учреждение с законодательной функцией, избираемое народом и выражающее его волю; в монархиях оно ограничивало власть монарха; 2) форма государственности, в которой правительство назначается парламентом и подотчетно ему. В начале XX в. в России парламент существовал только в первом смысле этого термина, а в Англии, Франции, Италии и других государствах – в обоих.

Когда министр финансов В. Коковцов сказал в 1908 г. в Думе, что "у нас, слава Богу, нет еще парламента", то он как раз имел в виду отсутствие в стране парламента во втором значении термина, а не отсутствие представительного учреждения с законодательной функцией [Коковцев, 1992, с. 140, 169–274]. Российский парламент, хотя и не участвовал в образовании правительства, тем не менее контролировал его работу путем запросов, когда не менее 30 членов парламента обращались к министру с вопросами по поводу незакономерных действий его министерства. Разумеется, парламентская форма правления более демократическая, чем дуалистическая. Однако почти во всех европейских странах сначала возникала дуалистическая монархия, которая постепенно, по мере того как народное представительство набирало силу благодаря поддержке общества, превращалась в парламентскую монархию или республику. Таким образом, ту форму государства, которая возникла в России в 1906 г., следует назвать *дуалистической правовой монархией*, так как законодательная власть принадлежала парламенту и государю, а исполнительная власть в центре – императору и бюрократии, на местах – бюрократии и органам общественного самоуправления.

Днем перехода России от самодержавия к конституционному режиму можно считать 27 апреля 1906 г., когда собралась первая Государственная дума на принципах новых Основных законов. В этот день Россия сделала решающий шаг в сторону правового государства, осуществляющего преимущественно легальное господство. До 1906 г. русское законодательство признавало только личные права, причем как сословные права, не равные для всех граждан. О политических правах в старых Основных законах вообще ничего не говорилось. Разумеется, нельзя закрывать глаза на то, что закон установил систему не прямых и не всеобщих выборов и обусловил избирательные права большим для России имущественным цензом: в 1906 г. один выборщик приходился на 2 тыс. землевладельцев, на 7 тыс. городского населения, на 30 тыс. крестьян и на 90 тыс. рабочих. Непосредственно в выборах в Думу принимали участие 3,3% от всего населения или 16% от числа мужчин в возрасте 25 лет и старше (получивших избирательные права), большая часть взрослого мужского населения имела право избирать в несколько приемов выборщиков в Думу. Следует обратить внимание на то, что правительство не назначалось парламентом, император все еще обладал огромной властью, реализация политических прав встречала значительные трудности и на другие недостатки нового политического строя России [Казанский, 1913, с. 22–39, 258–261]. Россия и ее государственность отличались от идеального типа правового государства в значительно большей степени, чем, скажем, США, Англия, Франция или даже Пруссия. Но после 1906 г. Россия вошла в круг правовых государств, так как конституция и парламент, разделение властей и независимый суд стали неотъемлемыми

институтами русской политической жизни, а правомерность управления – характерным качеством исполнительной власти.

К началу Первой мировой войны парламент превратился в неотъемлемую и позитивную часть государственной жизни. При этом в чисто организационном отношении, по мнению современников, Государственный совет работал намного эффективнее Думы. Несмотря на существенные недостатки в деятельности российского парламента, даже скептики признавали, что под его влиянием была достигнута большая гласность в деятельности правительства, с его помощью осуществлялся общественный контроль за работой ведомств, финансовое хозяйство страны стало более прозрачным, коронная администрация подтянулась. Конституция дисциплинировала власть и самое общество: совместное участие в управлении государством оказалось для тех и других незаменимой школой. Министры правительства также стали принимать Думу как необходимый и полезный элемент политической жизни [Маклаков, 1942, с. 28; Коковцов, 1992, с. 254].

К 1914 г. российское государство стало осуществлять *легально-традиционное* господство. Оно было *легальным*, потому что основывалось на законодательстве, утвержденном парламентом, и реализовывалось через бюрократию, подчиненную закону. Действия государственных органов обеспечивали защиту социальных интересов, политических и гражданских прав всего населения. Верховенство закона все глубже и всестороннее входило в жизнь, а формальное право – в управление. Но господство оставалось еще *традиционным*, потому что значительная часть населения, особенно среди крестьянства, верила в Богоустановленность власти и управлялась сельскими общинами, опираясь на обычай.

После Февральской революции развитие государственности протекало противоречиво вследствие продолжающейся войны, экономического кризиса в стране и так называемого двоевластия. Власть осуществляли, с одной стороны, Временное правительство, санкционированное Временным думским комитетом (частью членов Государственной думы) и поддержанное руководством Петроградского совета, избранного рабочими и солдатами Петроградского гарнизона, а с другой – советы, образованные по всей стране народными массами, которые мало сочувствовали идее истинного парламентаризма. Постепенно Временное правительство присвоило себе до созыва Учредительного собрания всю полноту законодательной и исполнительной власти. Оно провозгласило Россию республикой, объявило полную политическую амнистию, демократические свободы, заменило полицию народной милицией, демократизировало местное управление, установило равноправие солдат и офицеров. Решение же принципиальных вопросов: государственное устройство, аграрный вопрос, заключение мира – было отложено до созыва Учредительного собрания [Старцев, 1980, с. 230–237].

Но широкие народные массы немедленно хотели мира, конфискации помещичьих земель, установления 8-часового рабочего дня и введения рабочего контроля на производстве. Временное правительство, не выполнив этих требований, утрачивало легитимность, так как крестьяне, рабочие и солдаты отказывали ему в поддержке. Баланс власти склонялся в пользу советов, в которых крайне левые партии – большевики и эсеры – пользовались наибольшей поддержкой народных масс. В конце концов Временное правительство 25 октября 1917 г. было свергнуто и в стране установилась так называемая пролетарская диктатура, а если быть более точным – диктатура партии большевиков.

Таким образом, с февраля 1917 г. по октябрь 1917 г. в стране существовал государственный строй, который трудно подвести под существующие в науке дефиниции. Россия была демократической республикой, но фактически без парламента. Старый государственный порядок был разрушен, а новый не установлен, в результате уровень законности в управлении страной сравнительно с дореволюционным временем постепенно понижался, пока не дошел до нуля, что сделало возможным свержение правительства. Лишь в перспективе, после созыва Учредительного собрания, если судить по избранным в него членам от различных политических партий, среди которых больше-

виков насчитывалось около 25%, Россия имела реальные шансы превратиться в *правовую парламентскую республику*. Если бы Временное правительство согласилось, не дожидаясь Учредительного собрания, на аграрную и некоторые другие социально-экономические реформы, оно вряд ли пало бы через восемь месяцев после своего образования.

От народной монархии к правовому государству

В XVII–начале XX в. российская государственность находилась в состоянии непрерывного развития. В XVII в. существовала *народная*, или *патриархальная*, монархия, в первой четверти XVIII в. – *абсолютизм*; во второй половине XVIII в. сложилась *сословная патерналистская* монархия, которая во второй четверти XIX в. переросла в *бюрократическую правомерную* монархию, а в 1906–феврале 1917 г. – в *дуалистическую правовую* монархию; в марте 1917 г. образовалась *демократическая республика*. К началу великих реформ 1860-х гг. русская государственность стала *de jure правомерной*, государственные учреждения в целом функционировали в рамках закона. В последнее десятилетие существования империи государственность являлась *de jure правовой*. Таким образом, за 200 с небольшим лет Россия прошла путь от народной монархии, для которой характерно *традиционно-харизматическое господство*, до правового государства, осуществлявшего в основном *легальное господство*. В главных чертах сформировалось правовое государство с его атрибутами – верховенством закона, административной юстицией и разделением властей – и инструментальной основой в виде бюрократии, действующей по законам административного права, согласно формальным и рациональным правилам, что в политической социологии считается признаком легального господства. Однако переход от правового государства *de jure* к правовому государству *de facto*, требующий длительного времени, не успел завершиться к 1917 г. Этим объясняются сохранение коррупции, несоблюдение закона или изъятия из него отдельных положений и другие отклонения от правового порядка управления.

Развитие правового государства в России шло разными путями: 1) подчинения верховной власти закону в силу самоограничения, при сохранении всей полноты власти в руках монарха; 2) ограничения власти бюрократических учреждений административным правом и административной юстицией, а также взаимной конкуренции за влияние; 3) разделения власти на законодательную, исполнительную и судебную; 4) предоставления верховной властью различным разрядам сначала сословных прав, сословным учреждениям – прав сословного и общественного самоуправления, а затем всему населению – гражданских прав. По первому, второму и третьему путям монархия двигалась, главным образом, в силу своих внутренних потребностей, а по четвертому – под давлением общества.

Главным фактором эволюции российской государственности были объективные требования жизни. Во-первых, законность постепенно проникала в государственное управление, так как была совершенно необходимой для правильного функционирования государственного аппарата, ибо с расширением задач государственного управления личный контроль со стороны государя становился невозможным. Во-вторых, государственная власть могла окрепнуть и утвердиться лишь при условии ее подчинения закону, так как только в этом случае в гражданах могло развиваться чувство законности (если власть соблюдает закон, то же самое делают граждане, и наоборот) [Тарановский, 1923, с. 421].

Таким образом, российская государственность в период империи, несмотря на зигзаги и периоды стагнации, неуклонно развивалась в направлении правового государства. Используя западный опыт, она прошла путь от народной до конституционной монархии за сравнительно короткий срок – 200 с небольшим лет (подробнее см. [Миронов, 2003, с. 109–195]).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Буранок О.М.* Петр и Феофан Прокопович: диалог двух культур // *Монархия и народовластие в культуре просвещения*. М., 1995.
- Доган М.* Легитимность режимов и кризис доверия // *Социологические исследования*. 1994. № 6.
- Дьяконов М.А.* Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. СПб., 1912.
- Ерошкин Н.П.* Крепостническое самодержавие и его политические институты. М., 1981.
- Живов В.М., Успенский Б.А.* Царь и Бог: семиотические аспекты // *Языки культуры и проблемы переводимости*. М., 1994.
- Зорин А.Л.* Идеология самодержавия, православия и народности и ее немецкие источники // *В раздумьях о России (XIX в.)*. М., 1996.
- Казанский П.Е.* Власть всероссийского императора. Очерки действующего русского права. Одесса, 1913.
- Ключевский В.О.* Боярская дума Древней Руси. Пг., 1919.
- Коковцев В.Н.* Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919 гг. В 2 кн. Ч. 1. М., 1992.
- Коковцов В.Н.* Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919 гг. В 2 кн. Кн. 1. М., 1992.
- Коркунов Н.М.* Русское государственное право. В 2 т. Т. 2. СПб., 1908.
- Кравченко И.И.* Власть и общество // *Власть. Очерки современной политической философии Запада*. М., 1989.
- Краснов М.А.* Глава государства: рецепция идеи “отцовства” // *Общественные науки и современность*. 2008. № 5, 6.
- Лазаревский Н.И.* Лекции по русскому государственному праву. В 2 т. Т. 1. СПб., 1910.
- Маклаков В.А.* Вторая Государственная дума. Париж, 1942.
- Милюков П.Н.* История второй русской революции. М., 2001.
- Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII–начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. В 2 т. Т. 2. СПб., 2003.
- Мосолов А.А.* При дворе последнего императора. Записки начальника канцелярии министра двора. СПб., 1992.
- Павлов-Сильванский Н.П.* Феодализм в Древней Руси. М., Пг., 1923.
- Роговин Л.* Конституция Российской империи. Сборник законов, относящихся к обновленному строю и к личным и общественным правам граждан. СПб., 1913.
- Свод законов Российской империи.* Издание 1832 г. В 15 т. Т. 1. Ч. 1. Основные законы и учреждения государственные. СПб., 1832.
- Старцев В.И.* Внутренняя политика Временного правительства. Л., 1980.
- Тарановский Ф.В.* Энциклопедия права. Берлин, 1923.
- Филюшкин А.И.* Термины “царь” и “царство” на Руси // *Вопросы истории*. 1997. № 8.
- Черепин Л.В.* Земские соборы Русского государства в XVI–XVII вв. М., 1978.
- Черная Л.А.* От идеи “служения государю” к идее “служения Отечеству” в русской общественной мысли второй половины XVII–начала XVIII в. // *Общественная мысль. Исследования и публикации*. Вып. 1. М., 1989.